

С.Бельский ПОД КОМЕТОЙ Повесть

Под кометой

Глава I Под кометой

Из той норы, где я сижу, видна направо черная зубчатая стена гор, окутанные лиловым туманом обгоревшие, поваленные стволы деревьев в долине и слегка изогнутая гряда камней. Красноватый туман скрадывает расстояния и придает всем предметам на обезображенной черной земле фантастические очертания.

Пик Ольдета похож на великана, который согнул колена и, наклонив голову, что-то внимательно рассматривает в развалинах Гелиополиса. Каменная черепаха закрыла мост, арку Мира и сотни маленьких домов, утопавших в зелени, в которых жили рабочие главной электрической станции. Сожженный лес напоминает кладбище.

На холме, где стояла обсерватория, упавшие камни и разрушенные здания образовали перевернутое вверх килем судно. Тучи черной пыли стелются над землей и колеблются как траурное покрывало.

Черная немая пустыня! Небесный огонь уничтожил все краски. Я с трудом представляю себе зеленеющие склоны, белые вершины гор, серебристое море, желтые скалы, — привычное живое лицо земли. Сон то было или то что есть?

Огонь уничтожил не только города, леса, — он сжег историю человечества, его религию, искусство, науку, — все Земля представляет обугленный труп, но небо теперь так красиво, великолепно, каким оно никогда не было.

Комета с своими шестью лучами напоминает белую лилию с пламенной завязью; лепестки этой небесной лилии сжегшей землю медленно изгибаются; кажется их колышет ветер, уносящий комету в глубь неба. Вечером лилия окрашивается в нежно золотистый цвет и вокруг неё разливается спокойное серебристое сияние.

Вчера на рассвете старик Винцент забрался на развалины обсерватории и кричал:

— Эй, вы там, на небе! слышите ли вы нас? Мы не хотим оставаться на земле заваленной мертвыми... Кто ты? Как тебя зовут, который на небе? я хочу тебя услышать...

Он кричал, пока не взошло солнце и не потухли яркие краски на небесном своде.

Нас шестеро: две женщины и четверо мужчин. Третий месяц мы живем в развалинах королевского музея древностей. Старшему, Винценту Энрио; 67 лет; он был монахом и за полгода до появления кометы поселился в одном из тех подземных склепов, которые приводили в ужас всех, кто спускался в узкие извилистые галереи под монастырем св. Иакова. По целым суткам Энрио стоял на коленях в своем склепе молился и клал сотни поклонов. Его часто искушал диавол, который выходил из сырой стены, задувал восковую свечу, передвигал гроб, в котором отдыхал монах, разливал воду из кропильницы. На поверхности земли при свете солнца все его выходки показались бы глупыми шутками. Впрочем и сам Энрио не считал этого демона умным и устраивал ему засады и ловушки как тупому животному. Привыкнув к черным стенам склепа и постоянно мертвой тишине, отец Винцент лучше всех переносит страдания. Ему кажется что ничего особенного не случилось и только до необъятных размеров, от земли до неба, раздвинулись стены той могилы, в которой он себя похоронил. Больше всего печалит монаха исчезновение демона, без которого он не знает чем заполнить половину своего времени. Небо представляется отцу Энрио океаном, на котором вот-вот появится спасительный корабль.словно на маяке по целым часам стоит он с поднятой головой на груде камней, наваленных на вершине горы. Иногда отец Винцент поднимает обе руки, призывая кого-то в порыве отчаяния и снова замирает, — черный на черных камнях.

Второй мой товарищ Ольрид был хранителем королевского музея древностей.

— Я знал, что все так кончится, — говорил Ольрид, — немного каменных обломков, куча черепков, старых монет, заржавленное оружие, какой-нибудь горшок, осколки статуи, полуистертая надпись — вот все, что в конце концов остается от любого народа.

В одном углу королевского музея стоял пыльный ящик, который мог бы поднять ребенок и в этом ящике хранилось все наследие народа, прожившего двадцать веков.

Как и отец Винцент, хранитель музея, остававшийся много лет среди каменных обломков выброшенных из глубины веков, как море выбрасывает на песчаную отмель доски и мачты погибших судов, скорее нас всех освободился от ужаса.

Сумасшедшего звали Филипп Эверт. Для нас, людей старого мира имя это слишком хорошо знакомо. Эверт был великим хирургом, который первый сумел менять изношенные сердца, как в часах меняют ослабевшую пружину.

Помешался он на чудовищной идее создать высшее мыслящее существо из мозга и других животных тканей, приготовленных искусственным путем. Уже целое столетие наши химики делают все органические вещества. В биологическом музее, в первом зале направо от входа, находилась богатая коллекция животных органов, приготовленных в лаборатории. Каждый инженер-биолог умел изготовить отличную печень, выработавшую желчь, глаз, сильный здоровый мускул и мускульная машина во многих мелких производствах начала вытеснять стальные механизмы.

Эверт вздумал построить мыслящий мозг; и так как у нас не хватало художников, давно умерла поэзия, не было пророков, то хирург поставил себе задачей создать из солей, кислот и щелочей голову гениального мыслителя в своей лаборатории.

Миру нужны были новые блестящие идеи, великие заблуждения и великие истины. Без вдохновения среди дворцов, храмов, колоссальных сооружений человечество задыхалось как рыба на дне высохшего озера. Жизнь стала слишком пресна и так как ни одна голова не давала ничего такого, что не было бы известно раньше, то многие соглашались, что попытка Эверта разума и полезна.

Правительство уступило ученому старый химический завод, где в течение двух лет Эверт усердно работал над изготовлением своего пророка. По поручению «Ожной газеты» я однажды посетил этот завод в тот день, когда там собрались воспитанницы двух приютов в светло-голубых платьях и десятка три учителей знакомившихся с новейшими завоеваниями техники. Эверт уже тогда проявлял признаки душевного расстройства. Он говорил о том, что боится своего дела и с ужасом ждет минуты, когда сознание и мысль, пробиваясь, как солнечные лучи через тяжелые дождевые тучи, пробудятся в серой массе искусственного мозга. Он боялся их дикого стихийного величия.

«Ожная газета» первая заметила, что «здоровье Эверта внушает опасения»(№ 1273). Я упоминаю об этом факте без тщеславия и только потому, что впоследствии глупый писака и продажный журналист «Гелиополисского Вестника» В. Г. М. утверждал с присущей ему наглостью, будто бы именно он первый довел до сведения публики о сумасшествии Эверта...

Впрочем теперь нет ни газет, ни читателей, ни издателей. Я заканчиваю мировую литературу и незачем поднимать старые споры.

По странной случайности мировой пожар, уничтоживший миллионы достойных людей, ученых, политиков, филантропов пощадил человека, прошедшего три четверти жизни в тюрьмах, не имевшего даже собственного имени и называвшего себя № 369. Безымянный отрицает за собой всякую вину и говорит, что парламенты и короли постоянно запаздывали с изданием тех законов, согласно которым люди действовали, и что только из-за этого постоянного опаздывания он просидел 34 года в одиннадцати тюрьмах.

№ 369 спасся с цепями на ногах, и так как у нас не было инструментов, чтобы его расковать, то беглый каторжник по целым часам разбивал свои кандалы камнями, упавшими с проклятой кометы. Занимаясь этой работой, он распевал тюремные песни, ругал парламент, королей, суды, законы и выражал полное удовольствие по поводу ужасного разрушения, погубившего всю цивилизацию.

Но за то судьба пощадил одного из самых замечательных людей Гелиополиса, — славного и доброго короля Меридита XVI. Портреты давали неверное представление о внешности его величества. Словно все художники условились изображать Меридита не таким, каким он есть, а таким, каким он должен быть. В нем нет ничего величественного, и когда король молчит сидя в яме, куда нас загнала звезда, его можно принять за одного из тех безбрадных, изнуренных голодом и постоянными неудачами, которые тысячами бродили по городам старого мира.

Вчера № 369 долго сидел около Меридита, рассматривая его так внимательно, как будто бы решал головоломную задачу.

— Так это и есть король? — спросил Безымянный, — обращаясь ко мне, — тот самый король, который мог взять перо и написать: «№ 369 назначается губернатором Гелиополиса» или «№ 369 жалуется графское достоинство» и меня бы сделали губернатором, графом и всем, чем ему угодно. Но он мог взять тоже перо и написать: отвести № 369 на скалу, где совершаются казни и сбросить его вниз головой, с высоты в 500 футов. Вы все это могли сделать?

— Мог, — ответил король улыбаясь.

— Ну, а теперь вы кто?

— И теперь король.

№ 369 засмеялся.

— Выйдите, Ваше Величество, из ямы и взгляните еще раз, что сделало небо с землей и Гелиополисом. Груда обломков словно после крушения курьерского поезда. Мы славно разбились на полном ходу. Хвост кометы стер все законы. Вашу власть и мою тюрьму утащила за собой вот та белая штука, что висит над нашими головами.

— И всё-таки я король, — упрямо повторил Меридит.

№ 369 засвистел марш каторжников и звеня кандалами (они у него были гигиенические, новейшего образца) направился к выходу из обрушенной галереи.

Сегодня они спорят о королевской власти с утра. Меридита XVI поддерживает монах и хранитель музея. К Безмянному присоединился сумасшедший Эверт.

— Я из вас выбью эту дурь, — кричал Безмянный. Старый мир сторел как соломенная плетушка и тут нечего долго разговаривать.

Комета не могла уничтожить истории. Ты был и останешься беглым каторжником, Меридит король, а почтенный отец Винцент обладает благодатью и святостью, которых у него никто и ничто не отнимет.

— Что же тогда по-вашему разрушила комета?

— Стены, только стены. Никакой огонь не может уничтожить старых вечных идей.

— И вечных заблуждений, — хриплым голосом отозвался Эверт.

Они спорили на узкой черной площадке, залитой ярким светом солнца и в своих лохмотьях рядом с грудами, беспорядочно сваленных обломков походили на старьевщиков, которые ссорясь, роятся в груде мусора.

Женщины держатся в стороне. Их две. Младшая девушка Сусанна, дочь богатого сыровара, и проститутка Эльза, служившая в увеселительном заведении синдиката, который захватил всю торговлю публичными женщинами. Сусанна очень красива и даже когда она плачет, сидя на глыбе камня, её крепкое гибкое тело возбуждает чувственность. Все мы за исключением хирурга Эверта хотели ею обладать; она это знала и пугливо сторонилась, когда к ней кто-нибудь из нас подходил, но в её ленивом теле и выражении больших глаз было что-то такое, что противоречило её пугливости и словно кричало:

— Возьмите меня, я хочу отдаться!

И этот немой постоянный призыв девического тела разрушал то, что не могла разрушить своим огнем комета. В нас пробуждался древний человек, не знавший стыда, власти религии и закона; животная страсть овладевала то одним, то другим; и тогда на склоне холма, где мы жили, происходили дикие сцены, во время которых отец Винцент проклинал женщин и призывал небесные кары на нас всех, Сусанну и Эльзу.

— Надо это кончить, — сказал как то вечером № 369. Я беру девушку в жены и дело с концом.

Ольрид поднялся с кучи металлической пыли, принесенной кометой, и отвечал за всех.

— Если ты притронешься к Сусанне, я разобью тебе голову.

Безмянный поднял камень и швырнул его в Ольрида. Камень содрал кожу на щеке и красная струйка потекла по лицу и шее хранителя музея.

— Кровь, — хрипло сказал он, смотря на красные пальцы, которыми вытер щеку и серое лицо его разом стало бледным.

— Я сильнее вас и беру эту девушку, — повторил Безмянный, и медленно направился в ту сторону, где сидела Сусанна. Его большая голова с длинными спутанными волосами, бронзовое крепкое тело, прикрытое лохмотьями арестантской куртки и блестящая цепь из металлических колец на грязных босых ногах до мельчайшей подробности освещалась красным светом кометы, которая вся видна была в широком отверстии галереи. Казалось, мы сидим в огромной кузнице с черными каменными стенами и в открытом горне плавают груды металла.

— Остановись, — крикнул Эверт в голосе сумасшедшего ученого слышалась такая власть, что № 369 обернулся и ждал. — Эта женщина станет матерью и её дети будут создавать новый мир на развалинах старого...

— Я буду патриархом, — с усмешкой ответил № 369. Эверт взял Безмянного за голую волосатую руку.

— Ты не уйдешь, пока я не скажу всего.

— Говори и все-таки она будет моей женой, я так хочу, слышите вы, все, я так хочу!

Безмянный заложил руки за спину и стал около черной скалы с таким видом, как будто ему было решительно все равно, что скажут Эверт и все другие.

— Кто из нас более всего достоин быть отцом новых людей? — Ученый вопросительно посмотрел на кучку людей, жавшихся друг к другу у входа галереи. — Вы король, последний потомок рода, истории которого все знают. Отец слабоумный, дед пьяница, развратник, прадед страдал религиозным помешательством. Можете ли вы быть мужем этой последней женщины старого мира и первой в мире будущего? Вы принесете весь рои тяжелых видений тяготевших над мыслью и чувством людей.

Король молчал.

— Ольрид, хранитель королевского музея — слабое вялое тело. — Подойдите ближе. Наклоните голову. Вот так! — Тонкие пальцы Эверта быстро двинулись по маленькой голове Ольрида.

— Отсутствие воображения... Скучный бледный мозг. Я написал десять томов о памятниках древности, обиженным голосом сказал хранитель королевского музея.

— У вас у самого голова древнего типа... Лобные доли совершенно не развиты. Вам бывает иногда страшно Ольрид!

— Страшно, чего?

— Ну, вы сами не знаете, и в этом все дело. Надвигается темная опасность, вы боитесь неба, короля, темноты; чувствуете себя таким маленьким, как муравей, заблудившийся в вековом лесу.

— Да, это бывает.

— Первообытный животный страх. Ужас, самое древнее из всех чувств, он разрастается у корней жизни и только разум его побеждает. Тени ночи бегут от солнца.

— Теперь Винцент.

— Что такое Винцент?! — гневно закричал монах. — Ты не смеешь касаться меня, потому что тобой владеет дьявол. Я прокляну тебя и когда мы все отправимся в небесную обитель, ты будешь один прятаться в норах на этой проклятой обгоревшей земле, освещенной адским красным пламенем. Я не хочу этой девушки, хотя демон меня соблазняет.

— Теперь Энрио Витторино, — обратился Эверт ко мне. — Литератор, 37 лет. Неврастения на почве наследственного алкоголизма (я описываю эту сцену со всевозможной точностью в виду её важности для будущих поколений, но ради справедливости должен заметить, что по отношению ко мне Эверт заблуждался: пью я очень мало и только иногда, когда нет темы, ищу ее при помощи возбуждающих средств).

— Остается один № 369 или как там его зовут, подойдите сюда.

Черная фигура отделилась от скалы и медленно двинулась к освещенной площадке. — Ну, глухо сказал великан; смотря на Эверта сверху вниз.

— Убийца! — тихо и отчетливо выговорил доктор. Мне показалось, что это короткое слово прокатилось по всем окрестным скалам.

— Мы дрались честно и я не виноват, что у него сломался нож, — также тихо ответил № 369. Возвышая голос он продолжал: — я возьму эту девушку потому, что так хочу! слышите ли все: так я хочу! Мне нет дела до того, что произойдет. Доктор тут осматривает нас как лошадей на племенном заводе. По его словам выходит, что король притащил сюда все: своих слабоумных сумасшедших предков Ольрид — новое издание древнего человека; в голове и теле писателя сидит десяток пьяниц, я убийца. Не верьте этому сумасшедшему: комета сожгла все старье, предков и их могилы. Зачем чорт поberi, вы тащите сюда мертвецов, королевские мантии, законы парламенты и даже глупого демона, который состоял при этом мерзком монахе, раскачивающемся между землей и небом как паук в сильный ветер. Я сильнее вас и эта женщина будет моей!

Безмяный медленно пошел в ту сторону, где спали женщины.

— Будь вы прокляты! — крикнул ему вслед отец Винцент вместо напутствия.

Мы разошлись, легли и молча смотрели на пламенный цветок в серебристой бездне над черной обугленной землей.

В долинах еще стоят ядовитые газы, принесенные кометою и мы за три месяца ни разу не спустились с горы, на восточный склон которой выходит обрушенная галерея королевского музея древностей.

Я чувствую себя очень плохо, в ушах постоянный шум, как от морского прибора. Мне кажется, что я слышу бурю, которая уносит комету и сгибает её шесть огненных лучей.

Эверт говорит, что я отравлен химическим газом. Прополишь просматреть записки о гибели земли. Заметки на полях рукописи сделаны мною и доктором Эвертом. Последние отмечены буквою Э.

Глава II

Первое известие о появлении кометы. — Газеты перед концом мира. — Памятник Вентурио. — Площадь Веры. — Храм человека, — Уснувшие и воскресшие

Первый раз я услышал о комете в редакции «Южной газеты», где руководил хроникой и два раза в неделю писал фельетоны. В три часа я, как всегда, сидел за своим столом и просматривал заметки репортеров. Занятие, способное навести уныние на самого веселого человека. К тому же работа эта требовала большого внимания, так как нравы Гелиополисских литераторов были испорчены и каждый хроникер ловко скрывал вознаграждение, полученное им от лиц, заинтересованных в появлении какого либо известия; вследствие этого газеты терпели крупные убытки, так как в пользу издателей отчислялась половина суммы, собираемой журналистами в театрах, акционерных обществах, в банках, ресторанах, парламенте, в банях и проч. Ни одного, даже самого ничтожного дела, нельзя было устроить без того, чтобы предварительно не истратить порядочную сумму на подкуп газет и газетных работников.